

*О захватывающих приключениях
детективов из агентства
«Белый гусь»
читайте в книгах:*

**Полночь в музее
Карамелька для вампира
Шоу одинокого скелета
Одиннадцать врагов IT-сыщика
Миссия супергероев
Сокровище forever!
Клуб диких ниндзя
Снегурочка с динамитом
Пять лимонов на мороженое
Расследование online
Поймать звезду
Конец света отменяется**

Москва

Илона Волынская, Кирилл Кашеев

КОНЕЦ СВЕТА ОТМЕНЯЕТСЯ

УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
В 70

Оформление серии *В. Щербакова*

Волынская И.

В 70 Конец света отменяется : повесть / Илона Волынская, Кирилл Кашеев. — М. : Эксмо, 2013. — 224 с. — (Черный котенок).

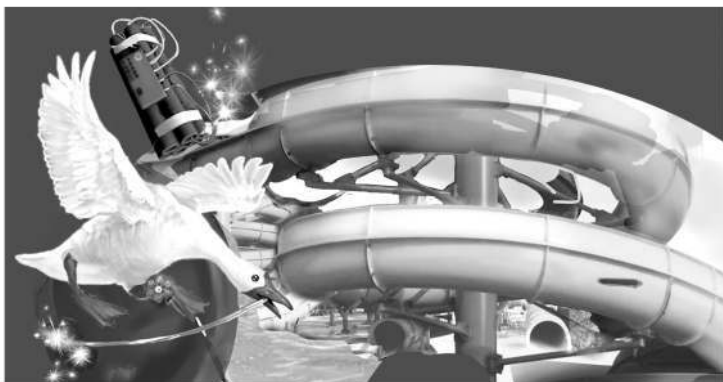
ISBN 978-5-699-65584-7

Лето на носу! Но Кисоньке Косинской не до отдыха — Матвей Соболев, восходящая звезда шоу-бизнеса, решил, что только она достойна быть его девушкой. Горе-певец устраивает ночные концерты под окнами и караулит бедняжку возле школы. Папа решил помочь дочке — отправить Кисоньку и Мурку вместе с друзьями на море, в Бердянск. Но там девочку поджидает проблема посложнее навязчивого поклонника: сначала на ребят падает холодильник, потом за ними гоняется вооруженный диковинным ножом неизвестный в плавательной маске. И чуть детективов просто вопит: где-то рядом готовится преступление...

УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-65584-7

© Волынская И., Кашеев К., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

ГЛАВА 1

НЕЗАКАЗАННЫЙ КОНЦЕРТ

- Мы живем в самом дорогом районе города, у нас закрытая стоянка во дворе и консержка в холле, — шепотом сказала мама. Лицо ее в свете луны казалось бледным и мерцающим, точно у призрака, а глаза были темные, трагические и страшные, как у ведьмы. — Неужели в таком приличном доме не найдется ни одного порядочного вооруженного бандита, чтобы застрелить мальчишку?

— Ты сама не захотела покупать квартиру в элитной новостройке! — сбрасывая с головы подушку, яростно прошипел папа. Ударившая с улицы звуковая волна заставила его мучительно сморщиться и снова прикрыть ухо. — Хотела, чтоб соседи — университетские профессора и конструкторы с ракетного завода! Вот поэтому у нас нет ни одного порядочного бандита, — с явным сожалением закончил он.

Они замерли во мраке, тесно, как напуганные дети, прижавшись друг к другу и прислушиваясь к пробивающимся сквозь плотно закрытое окно звукам.

— Твои охранники не согласятся его убить? — простонала мама.

Конец света отменяется

— Если побудут у нас ночи две, наверное, согласятся, — болезненно усмехнулся папа.

Мама медленно легла на спину и вытянула руки вдоль тела. Бледность и темные круги под глазами делали ее похожей на покойницу.

— Еще две ночи я не выдержу, — обреченно прошептала она.

За окном на миг воцарилась тишина, но они знали, что счет покою идет на секунды и сейчас все начнется сначала. Стекло содрогнулось от акустического удара. Мама глухо вскрикнула и сжалась в комок.

— Любовь выше облаков! — взревело во дворе... И следом раскатистая дробь насмерть избитой палочками ударной установки и мученический вой истерзанного саксофона. — Я для тебя на все готов! О Элла, моя девочка-Синдирелла, Золушка моя нежна-а-я...

— Он всерьез считает нашу дочь Золушкой? — На измученном мамином лице мелькнула тень возмущения. — Кем он себя возомнил?

— О Элла, хищная Кисонька-кошка, помаши мне пушистым хвостом...

— Попаду я в дурдом, — безнадежно закончила мама.

— В твоих зеленых глазах — черная ночь! Никто не в силах тебе помочь... — надрывались на улице, и стекла слабым дребезжанием отвечали на рев усилителей.

Родители невольно кивнули — никто! Бедная девочка.

— Чего нам на самом деле не хватает, так это пенсионерки-общественницы, — пробормотал папа, успокаивающе поглаживая плечо жены. — Они круче любого бандита, они — непобедимы.

— У нас в доме есть пенсионерка! — воскликнула мама. Ее лицо оживила внезапно вспыхнувшая надежда.

— Кто — Греза Павловна? — с усталым презрением спросил папа. — Вон она, слышишь, легка на помине!

Снаружи осажденного звуками дома вновь наступил краткий миг тишины, разлетевшийся вдребезги от интеллигентно-старушечьего фальцета:

— Прошу прощения, молодой человек, я никоим образом не осмеливалась прервать ваше творческое начинание, которое все продолжается и продолжается у нас под окнами, но сейчас, когда вы сами сообразовали сделать паузу, не будете ли так любезны не только попеть, но и немножко послушать? — донеслось с соседнего балкона. Голос Грезы Павловны с легкостью пробивался сквозь тройной стеклопакет. — Я понимаю ваш романтический порыв, серенада для любимой — так благородно! Однако же наша прелестная Эллочка, которую вы изволите называть Кисонькой... — в голосе Грезы Павловны прорезалось отчетливое неодобрение (она терпеть не могла прозвище своей юной соседки). — Девочка тонко чувствующая и отлично разбирающаяся в искусстве... Так что я бы порекомендовала вам взять пару уроков вокала, прежде чем петь под ее окнами! Или как-то по-другому выражать обуревающие вас чувства. Вы все же не великий Собинов...¹

— Он — Соболев! — рявкнуло с улицы сразу несколько глоток. — Соболев Матвей, мегасуперзвезда! Ура нашему Мэту!

— Вот именно! Не Собинов и тем более не Козловский, далеко не Козловский! — непреклонно объявила Греза Павловна.

— Слышь, Мэт, бабка на балконе говорит, что до Витальки Козловского ты не дотягиваешь! — прозвучал

¹ Собинов Леонид Витальевич (1872—1934) — оперный певец (лирический тенор), один из крупнейших представителей русской классической вокальной школы.

Конец света отменяется

с улицы недоуменный бас. Громко и агрессивно стукнули барабанные палочки.

— Козловский — попса и отстой! — отрезал другой голос. — А у Мэта — смысл, глубина...

— Толщина... — вздохнул папа.

— Не слушай бабу, Мэт, у нее маразм! Нашла кого сравнивать — тебя и Козловского!

— Позвольте! — оскорбленно откликнулась с балкона Греза Павловна. — Вы не психиатр, юноша, чтоб судить о моих умственных способностях! Я понятия не имею, кто такой ваш Виталька Козловский. Я говорила о великом Иване Семеновиче Козловском, теноре Большого театра! Мне и в голову не приходило сравнивать Козловского с вами! Поверьте, мой дорогой, уровень Большого — не для вас!

— Блин, народ, бабка-то нашему Мэту уважение делает! — радостно откликнулся бас, и в подтверждение снизошедшего понимания снова простучал барабан. — Правильно, на фиг нам тот Большой — он же маленький какой! Мы стадионы собирать будем — «Донбасс Арена», например! Зря, что ли, усилитель покупали?

— Спасибо-спасибо, — вмешался третий, вальяжно-сытый голос, при звуках которого перед глазами сразу возник толстый кот из мультика. — Я благодарен своим фанам и особенно бабушке — божьему одуванчику на балконе третьего этажа, но, друзья мои, сегодня я пою не для вас! Мое творчество посвящено единственной девушке, которая достойна стать рядом с настоящим певцом, девушке, которая живет здесь...

Папа стиснул край одеяла в кулаке. Ему казалось, что его дом, старинный дом, который он сам помогал ремонтировать и приводить в порядок, всеми стенами излучает ненависть насмерть замученного существа, и направлена эта ненависть сюда, внутрь, на него и его семью. На при-

кроватной тумбочке зазвонил телефон. Мужчина молча глядел на трещащий аппарат, потом схватил трубку и нажал кнопку — словно чеку из гранаты выдернул.

— Сергей Николаевич? — спросил хорошо поставленный мужской голос.

Папа совершил, наверное, самый мужественный поступок в жизни — подавил желание сунуть трубку жене.

— Это вас из четвертой квартиры беспокоят... — неуверенно продолжил голос.

— Да, я узнал вас, профессор, — страшным усилием воли папа заставил себя говорить спокойно. — Чем могу?

— Я даже не знаю, как вам сказать... — пробормотал сосед — папа был уверен, что сейчас тот нервно протирает очки. — Хотел предупредить — в нашем доме возникли опасные настроения! Наши соседи... Вы не подумайте, они неплохие люди, просто отчаявшиеся, ведь третью ночь этот кошмар продолжается! — Голос сорвался на ощутимый всхлип. Повисла пауза, и наконец профессор шепнул в трубку: — Говорят, что все не должны страдать из-за девочки. Они хорошо относятся к вашей семье, но сколько же можно... Соседи начинают думать о том... чтобы... выдать вашу дочь... этому... захватчику...

— И что же этот... захватчик... будет делать с моей дочерью? — очень спокойно спросил папа.

Новая пауза показала, что собеседник растерялся.

— Об этом никто как-то не подумал, — промямлил профессор. — Отчаяние не затрудняет себя логикой, а тут еще Галина Валерьевна из 17-й квартиры вчера включила телевизор на городском канале, а там... снова этот! Который у нас под окнами! — в истерике завопил профессор. — Поет! Он снова пел!

— Успокойтесь, профессор, — ровным тоном сказал папа. — Выпейте воды.

Конец света отменяется

— Я спокоен, спокоен... А вот Галину Валерьевну отвезли в больницу — сердечный приступ, знаете ли. Кто он такой, этот мальчишка? — стоном измученной души вырвалось у профессора.

— Мотя Меховой, — тяжело вздохнул папа.

— Простите? — переспросил профессор.

— Его мама — владелица сети меховых магазинов. Видели, наверное, слоган «Сила меха — гарантия успеха»?

— Хуже, — мрачно откликнулся профессор. — Я купил там шубу жене.

— Ну вот, — с печальным удовлетворением заключил папа. — Профинансировали музыкальную карьеру ее сына.

— В любых своих бедах человек виноват сам — прямо или косвенно, — наконец произнес сосед. — Но мы постоянно норовим об этом забыть. Как вы думаете, если я сожгу эту шубу прямо перед дверями ее магазина? — В голосе звучала странная смесь угрозы и беспомощности.

— Придется супруге новую покупать.

— Но у конкурентов! — торжествующе откликнулся профессор. — Заметьте, Сергей Николаевич, новую шубу я куплю у их конкурентов! Передайте от меня сердечный привет Марье Алексеевне и... и дочкам тоже! — Сосед торопливо отключился. Шубу, что ли, жечь побежал?

— Тебе привет от профессора, — сказал папа, кладя трубку на место. Еще одного разговора с соседями он не выдержит.

Мама кивнула, напряженно прислушиваясь к происходящему на улице.

— Матвей Соболев, певец и музыкант, руководитель и продюсер замечательной поп-группы «Дикий соболев», актер и режиссер клипов и рекламы, лучший студент ВГИКа и студии телевидения одновременно, московская звезда на провинциальном небосклоне на-

шего города... — голосом хорошо откормленного кота продолжал вещать с улицы Матвей Соболев. — Исполнит в честь Кисоньки Косинской свой новый мегахит! Слова — Матвея Соболева, музыка — Матвея Соболева...

За дверью спальни послышались сдвоенные шаги. Папа прислушался: шаги стремительно пронеслись в сторону кухни... Стихли. Зато хлопнула дверца холодильника.

— Аранжировка — Матвея Соболева...

Папа невольно приподнялся, собирая, бежать ли ему на кухню — проверить или не стоит? Но сдвоенные шаги уже стремительно прошелестели обратно. Мамино лицо на миг стало напряженным — тоже услышала. На ее губах вдруг промелькнула злорадная и даже кровожадная усмешка.

— Ты знаешь, что они задумали? — почти беззвучно, точно его могли услышать там, на улице, выдохнул папа.

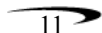
— Пока нет, — шепнула мама. — Я вспоминаю, что у нас такого есть в холодильнике.

Папа ее не понял, но и переспросить не успел.

— Исполняет — Матвей Соболев! — внушительно сообщили на улице, и в ответ раздались громовые аплодисменты. Аплодировало то ли трое, то ли четверо, но звук пустили через усилитель. Стекло в окне снова жалобно задребезжало. Барабанные палочки сыпанули частую дробь, и Матвей Соболев, певец-музыкант-режиссер-продюсер и сын своей мамы запел: — Довольно глянца, хватит гламура, о бэби-бэби, просто покажи фигуру — мне!

Лицо папы налилось кровью.

— Этот молокосос очумел? Петь такое под моим окном о моей дочери? — Он кинулся к окну, судорожно дернул ручку — запор заел. Шипя сквозь зубы ругательства, папа тряс раму, с ненавистью глядя вниз.

Барабанная установка стояла на самом краю тротуара, так что казалось, буйствующий за ней барабанщик вот-вот вывалится на дорогу. Свет переносных прожекторов скрещивался на блестящих тарелках и заклепках куртки барабанщика. Рядом столь же нестерпимо сверкал саксофон, стиснутый в объятиях тощего длинного очкарика. Парни в сверкающих пиджаках наяривали на гитаре и синтезаторе — их лица наполовину скрывали громадные темные очки. Темной ночью это производило неизгладимое впечатление на публику. И всюду меха! Лисьи хвосты свисали с барабанной установки, а целый пучок гладких норковых шкурок — с грифа электрогитары. Синтезатор казался зверьком на пушистых ножках. Меховые перевязи, оторочки, накладки украшали костюмы музыкантов. Ну а впереди, томно проговаривая в микрофон песню, скакал лидер группы «Дикий соболь» — сам Матвей Соболев! Длинная соболя безрукавка поверх серебряной рубашки кружилась и раздувалась в такт движениям, обметая подолом нестриженую весеннюю траву газона. Похожие на куриные окорочка ноги плотно обтягивали блестящие штаны, а микрофон в руках певца был такой же сытенький и кругленький, как и щеки.

— Даже мегазвездам — вот как я! — так хочется-хочется чистой любви! Пойми меня и попой покрути! — Приплясывая, Матвей Соболев двигался через газон к тротуару — глаза блестят, губы тоже — от блеска для губ, рубашка сверкает, накидка развевается, каблук украшенных стразами ботинок выбивают ямки во влажном газоне.

— Попой? Попой! — взревел папа, с новой силой накидываясь на непокорную ручку окна.

— Сергей, не надо, ты уже пытался его прогнать, только хуже стало — он усилитель притащил! — Мама бросилась к мужу.

— Я не буду его прогонять, я его просто убью! — рывкнул тот.

— Давай лучше снова полицию...

— Чтоб они застучали меня над его еще теплым телом? Да открывайся же! — Папа шарахнул кулаком по раме.

— О любви моей ты грезишь, но ничего не говоришь, партизанкой на допросе о любви своей — ко мне! — молчишь... — певец вдохновенно запрокинул голову, пафосно вскинул руку... Впечатление подпортили расплзшиеся на мокрой траве подошвы и зацепившаяся за ветку накидка. Матвей Соболев прервался — привычный к таким внезапным паузам барабанщик разразился яростным грохотом. Сосредоточенно выпятив пухлую губу, солист аккуратно, даже бережно отцепил меховую накидку и спрыгнул с бровки на тротуар, подальше от коварного газона. Теперь его было плохо видно из окна — разве что тщательно уложенные и блестящие на макушке волосы. Зато слышно по-прежнему отлично.

— Тебе что-то нужно, кошка моя...

Папа справился наконец с защелкой, распахнул окно и перевесился через подоконник, сам не понимая, что собирается делать: в такой ярости он был готов спрыгнуть певцу на голову. Пусть сам ноги переломает, но хоть прибьет поганца! Не подозревающий об опасности, нависшей над его головой (в буквальном смысле), Матвей Соболев сделал шаг вперед:

— Только что не скажешь напрямик, ни за что и ни почему... — объявил он в микрофон. — Я тебя не пойму! О выйди-выйди ко мне на балкон, потрындим за мой гениальный музон...

Его желание исполнилось: балконная дверь с треском распахнулась, и рыжеволосая фурия в зеленой шелковой пижамке вылетела на балкон.

— Я скажу тебя напрямик, чего я хочу, ты, пороса на меху! — завизжала она так пронзительно, что саксофон

Конец света отменяется

испуганно взвыл и смолк, а сорвавшаяся с ритма гитара жалобно загудела. — Хочу, чтоб ты подавился микрофоном, кабан поющий! И моль тебя вместе с мехами сожрала, ты, ветчина в соболях!

— Я никогда не думала, что Кисонька может так ругаться! — охнула мама. — Ладно еще Мурка, но Кисонька!

— Убирайся отсюда, бегемот сумчатый, и чтоб духу твоего...

— Кисонька! — с ласковым укором сказал Матвей Соболев, и его усиленный микрофоном голос прокатился по улице, заставив зашевелиться даже обитателей дома напротив. — Ты не дослушала песню! В этот раз я тебя прощаю. — Он величественно повел пухлой рукой. — Но на будущее давай договоримся — ты не прерываешь меня, когда я пою. Если, конечно, хочешь быть моей девушкой.

— Не хочу-у-у! — завопила рыжая Кисонька.

Барабанщик невольно стукнул палочками, контрапунктом отмечая этот крик души!

— Ну, хватит уже, — солист снисходительно усмехнулся. — Я, между прочим, Соболев Матвей! Певец, музыкант, актер, режиссер и продюсер! И звезда. Московская, — уточнил он. — Я не каждой девушке предлагаю встречаться! Нет, я понимаю: гламурная штучка вроде тебя должна немножко выпендриваться и только потом соглашаться. Но ты с выпендрежем затянула, еще чуть-чуть — и мне надоест!

— А чтоб это произошло быстрее... — девчонка перегнулась через перила балкона. — Мурка, мочи его! — заорала она.

Еще одно окошко распахнулось, из него вылетело что-то белое, округлое, толстое, глянцево блеснувшее раздутыми боками в свете прожекторов, перевернулось

в воздухе... С неожиданным проворством Матвей Соболев шархнулся назад. «Ну да, когда в клубе выступали, Мотыка таки натренировался уворачиваться от тяжелых летающих предметов!» — сообразил барабанщик.

Каблук мегазвезды зацепился за бровку, и, выронив микрофон, Соболев растянулся на газоне. Зато гитарист успел прыгнуть вперед... и, точно бейсбольной битой, отбил гитарой летящий снаряд. Раздалось звучное «бах!», и гладкая глянцевая оболочка лопнула. В воздухе расцвел омерзительный белесый цветок — воняющая, густая белая жижа расплескалась во все стороны.

— Вот блин, — пробормотал гитарист, замирая с инструментом наперевес, и физиономия у него стала такая виноватая, что Кисонька плюхнулась животом на балконные перила и попыталась разглядеть улицу. Из соседнего окна высунулась ее сестра-близняшка Мурка.

Внизу стояла совершенно незнакомая молодая девушка. Ее волосы, брючки, пиджачок с короткими рукавами и даже торчащие из босоножек пальцы покрывал слой вонючей белой слизи. Подброшенная ударом гитары пленка распласталась по ее лицу как мелкие прожорливые твари из фильмов-ужасов.

Девушка пару секунд стояла неподвижно. Потом медленно отлепила пленку от лица, брезгливо швырнула ее наземь, провела по щеке ладонью, не столько стирая, сколько размазывая белую слизь, и дрожащим от обиды голосом спросила:

— Ну и за что вы меня скисшим кефиром облили?

Парень у синтезатора подумал — и сыграл первый аккорд траурного марша.

— Надо было этот пакет с вечера в мусорку положить, — пробормотала мама, бросая на мужа смущенный взгляд. — Так я боялась, что он лопнет...

— Лопнул, — согласился папа. — С треском.